

Фундаментальная лингвистика. -2023

ISSN 2949--3900

URL - <http://linguistica-fundamentalis.ru>

Все права защищены

Номер 1 (1) Том . 2023

Коммуникативный такт и бифункциональная сущность языка как средства общения

Кретов Алексей Александрович

Воронежский государственный университет

Российская Федерация, Воронеж

Аннотация

Термин *коммуникативный такт* раскрывает бифункциональную сущность языка как средства общения: говорящий кодирует её языком, а слушающий – декодирует языком же. Сильная доля коммуникативного такта состоит в *оязыковлении* и *опредмечивании* мысли *говорящего в тексте*, а слабая доля – в *сегментации*, *распредмечивании* и *разъязыковлении текста слушающим*. Вслед за Л.С. Выготским различается *мысль₁* как процесс образного мышления концептами и *мысль₂* как процесс вербального мышления. Первая часть сильной доли – осуществляемый говорящим процесс оязыковления *Мысли₁* в *Мысль₃* (внутреннюю речь). Вторая часть коммуникативного такта – опредмечивание *Мысли₃* в *Мысль₂*, воплощённую в *тексте* (колебаниях воздуха, развёртывающихся во времени (ср. линейность языкового знака у Соссюра). Текст связывает говорящего со слушающим. Распредмечивание текста слушающим состоит в сегментации текста на означающие знаков и в переходе от означающих к означаемым. Процесс разъязыковления сообщения состоит в превращении *мысли₃* (внутренней речи), в *мысль₁* (концепт), перемещаемой в постоянную память и хранимую в ней.

Ключевые слова: двуединая (бифункциональная) сущность языка, опредмечивание мысли, оязыковляющая деятельность, распредмечивание текста, разъязыковляющая деятельность, коммуникативный такт

Дата публикации: 24.05.2023

Кретов А. А. Коммуникативный такт и бифункциональная сущность языка как средства общения // Фундаментальная лингвистика. – 2023. – Номер 1 (1) С. 11-22 . URL: <https://linguistica-fundamentalis.ru/s0025627-9-1/>. DOI: 10.18254/S294939000025627-9

¹ Памяти И.А. Стернина

² На вопрос, с чего начать изменения в государстве, Конфуций ответил: «С исправления имен». Действительно, неправильные имена влекут неправильные мысли, а неправильные мысли ведут к неправильным действиям. Это относится и к лингвистической терминологии. В частности, к широко распространённым в научном обороте терминам *языкой (речевой, коммуникативный) акт*.

³ Между тем считать, что функционирование языка ограничивается одним (речевым или языковым) актом, – примерно то же самое, что ограничивать товарно-денежные отношения превращением товара в деньги. Сравним формулы: «товар-деньги-товар», «мысль-текст-мысль». Экономистам проще: продавец не может ничего продать без покупателя – продажа и покупка происходят одновременно, почти как при устном общении: в норме речь обращена к слушающему. Однако с изобретением письма создание и прочтение текста принципиально разнесены во времени и пространстве. В результате текст предстаёт перед читателем как данность, а деятельность писателя завершается созданием текста. Письменная речь с её разорванностью времени создания текста и времени его восприятия сильно повлияла на строение теории языка.

⁴ Если мы признаём, что главная функция языка – это общение, передача информации от говорящего к слушающему, то следует признать и ту очевидную вещь, что эта функция языка выполняется только после восприятия и понимания текста слушающим/читателем. А для этого необходимо не только единство языка у говорящего и слушающего. Язык (как знаковая система – код) должен отработать в двух различных режимах: опредмечивания мысли (в текст, доступный слушающему) и распредмечивания текста (в мысли и чувства слушающего). Эта идея высказывалась А.А. Потебнёй, Л.С. Выготским, И.А. Мельчуком, а также многими представителями российской психолингвистики вообще и Московской психолингвистической школы в частности.

⁵ При этом целесообразно также различать процессы *оязыковления* концептов (превращение их в языковые значения, соотнесенные с означающими данного языка) говорящим и *разъязыковления* значений (превращение их в концепты, хранящиеся в долговременной памяти) слушающим.

⁶ Следует указать и на ещё одно прискорбное обстоятельство. Теория речевой деятельности (ТРД), созданная отечественной школой психолингвистики от Л.С. Выготского, до А.А. Леонтьева продолжает существовать как бы в безвоздушном пространстве, как правило, не находя отражения в учебниках по общему языкознанию. Счастливым исключением являются учебники по общему языкознанию, написанные с участием И.А. Стернина [Попова, 2007], [Чарыкова, 2010].

⁷ **Цель** статьи – вписать открытия отечественной системной лингвистики (Г.П. Мельников), психолингвистики (ТРД) и философии (Э.В. Ильенков) в контекст общего языкознания. А это требует переосмысления и упорядочения существующей лингвистической терминологии.

⁸ «Принято выделять следующие виды мышления:

⁹ 1. **Практически-действенное** мышление является самым ранним видом мышления человека как в эволюции, так и в онтогенезе. Этот вид мышления необходим в тех ситуациях, когда наиболее целесообразно решать мыслительную задачу непосредственно в процессе практической деятельности.

¹⁰ 2. **Наглядно-образное** мышление позволяет человеку более многогранно и разнообразно отражать объективную действительность. Данный вид мышления можно наблюдать в случаях, когда содержание мыслительной задачи основано на образном материале (при анализе, сравнении, в случае необходимости нарисовать предмет, изобразить его схематически или в виде символа, обобщить разные объекты, события и явления).

¹¹ 3. **Словесно-логическое** мышление свойственно только человеку. Особенность этого вида мышления заключается в том, что задача решается в словесной форме. Благодаря вербальной форме, человек использует более отвлеченные понятия. Именно этот вид мышления позволяет устанавливать общие закономерности, определяющие развитие природы и общества, самого человека. Мышление в его словесно-логическом виде проявляется в языке» [[Язык и мышление](#)].

¹² «...Мышление является деятельной функцией культуры» – этого «неорганического тела человека», которое «производит и воспроизводит своей деятельностью» мир «вещей» (артефактов) [Ильенков, 1984: 54]. Таким образом, мышление вообще можно определить, как обращение с «вещами» (материальными или идеальными) в соответствии с их свойствами.

¹³ *Практически-действенное* мышление не имеет отношения к нашей теме, поскольку оно не связано с языком.

¹⁴ А вот *наглядно-образное* мышление характеризуется уже анализом, синтезом, обобщением и символизацией, т.е. фактически – знаковостью. Специфика этого вида мышления состоит в его невербальности.

¹⁵ *Словесно-логическое* или *вербальное* мышление неотрывно от языка. Главным его отличием является то, что Ф. де Соссюр назвал линейностью языкового знака, что позволяет говорить о линейности вербального мышления.

¹⁶ Эпиграфом к главе «Мысль и слово» в своей книге «Мышление и речь» Л.С. Выготский избрал строки из стихотворения О.Э. Мандельштама «Ласточка» (1920). Правда, вторая строка изменена, точнее – заменена.

17 У О.Э. Мандельштама:

18 Я *слово* позабыл, что я хотел сказать. *Слепая ласточка* в чертог теней
вернется На крыльях срезанных с прозрачными играть.

19 Ниже по тексту находим:

20 Но я забыл, что я хочу сказать, И *мысль бесплотная* в чертог теней
вернется.

21 У Л.С. Выготского в эпиграфе представлен коллаж из двух строк одного
стихотворения:

22 Я *слово* позабыл, что я хотел сказать. И *мысль бесплотная* в чертог теней
вернется.

23 Видимо, эта вольность – одна из причин анонимности эпиграфа – наряду с
тем, что в год выхода книги (1934) О.Э. Мандельштам был арестован и выслан в
Воронеж.

24 Словосочетание *мысль бесплотная*, т.е. *бессловная* или *внесловная*
заслуживает самого пристального внимания.

25 Само слово *мысль* у Л.С. Выготского многозначно и противоречиво.

26 С одной стороны: «Мысль и слово не связаны между собой изначальной
связью» [Выготский, 1996: 296].

27 «Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по
своему... объёму, чем отдельное слово. Мысль можно было бы сравнить с
нависшим облаком, которое проливается дождём слов. Поэтому процесс перехода
от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения
мысли и ее воссоздания в словах» [Выготский, 1996: 356].

28 С другой стороны: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове.
Можно было бы говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в
слове» [Выготский, 1996: 306]. «Мысль не только внешне опосредуется знаками,
но и внутренне опосредуется значениями» [Выготский, 1996: 357].

29 Это противоречие фиксируется и самим Л.С. Выготским: «Таким образом,
мысль и слово оказываются с самого начала вовсе не скроенными по одному
образцу. В известном смысле можно сказать, что между ними существует скорее
противоречие, чем согласованность. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается
и видоизменяется» [Выготский, 1996: 308].

30 С одной стороны, мысль, по Л.С. Выготскому, это многомерная
целостность, с другой стороны, – она процесс собственной перестройки и
видоизменения (трансформации), собственного опосредования сначала
значениями слов, а затем – их акустическими эквивалентами (самими словами).

31 «Процесс перехода от мысли к речи, – пишет Л.С. Выготский, –
представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее
воссоздания в словах» [Выготский, 1996: 356].

Таким образом, Выготский говорит о двух разных мыслях: *мысли*¹ («мысль бесплотная»), которая расчленяется, и *мысли*² («мысль изреченная»), которая превращаясь, воплощается в колебаниях воздуха.

При этом реальность существования признается лишь за *мыслью*², а «мысль, не воплотившаяся в слове, остается стигийской тенью, “туманом, звоном и зиянием”» [Выготский, 1996: 361]. «Иногда мысль не совершается в слове, как у героя Успенского. Знал ли он, что хочет подумать? Знал, как знают, что хотят запомнить, хотя запоминание не удается. Начал ли он думать? Начал, как начинают запоминать. Но удалась ли ему мысль, как процесс? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Мысль не только внешне опосредуется знаками, но и внутренне опосредуется значениями» [Выготский, 1996: 357].

*Мысль*¹, пользуясь эпиграфом Л.С. Выготского из О.Э. Мандельштама, можно назвать *мыслью бесплотною*, а *мысль*², пользуясь также цитируемым Ф.И. Тютчевым *мыслью изреченною* (имея в виду и внутреннюю речь, т.е. как минимум, *мысль оязыковленную, мысль воплощенную в слове*, пусть даже и внутреннем).

Различение *мысли бесплотной* и *мысли изреченной* позволяет дать иную интерпретацию различия между ТРД в версии Леонтьева-Ахутиной и Жинкина-Горелова, отмеченного Т.В. Ахутиной: «В школе Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова отстаивалось представление о коде внутренней речи как универсально-предметном внутреннем коде (УПК) [Жинкин, 1964; Горелов, 1977, 2003]. Единицы этого кода – образы, которые составляют иерархическую структуру. Основное разногласие между школами Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова – динамичность или статичность единиц внутренней речи. По Л.С. Выготскому, смысл слова – «динамическое, текучее, сложное образование...», которое «вбирает в себя из всего контекста... интеллектуальные и аффективные содержания» [Выготский, 1982: 346-347]. **Этот динамизм смыслов не обсуждался в школе Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова** [выделено мной – А.К.].

Не обсуждалась и предложенная Выготским двусторонняя характеристика плана мысли, во-первых, динамическое развертывание мысли: «...всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, имеет движение, течение, развертывание, устанавливает отношение между чем-то и чем-то, одним словом, выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу». Во-вторых, целостность мысли: «Я вижу все это в едином акте мысли... Мысль всегда представляет собой нечто целое... То, что в мысли содержится симультанно, в речи развертывается сукцессивно» [цит. раб.: 356].

Думается, этот упрек Т.В. Ахутиной не вполне справедлив, о чём свидетельствует следующая цитата из И.Н. Горелова: «Полагаем, что на этом можно завершить рассмотрение вопроса о характере связи процессов мышления с процессами реализации языка в речи. И сделать вывод: нормально человек мыслит, когда говорит о чем-то. Это и есть речевое (дискурсивное) мышление, где, говоря словами Л.С. Выготского, “мысль рождается в слове”. Как мы уже говорили, подобный тип спонтанного порождения текста (дискурса)

осуществляется в условиях практической одновременности формирования мысли и речи. Но это не значит, что человек, мысля, обязательно при этом еще и “скрытно говорит”. Поэтому Н.И. Жинкин утверждал, что “человек мыслит не на каком-либо национальном языке, а средствами универсально-предметного кода мозга, кода с надъязыковыми свойствами”» [Горелов, 2009: 104].

³⁸ Следовательно, Л.С. Выготский, признавая существование «мысли бесплотной» рассматривает и обсуждает процесс её представления в «мысль воплощенную», а Н.И. Жинкин и И.Н. Горелов, соглашаясь с Л.С. Выготским относительно «мысли воплощаемой и воплощенной», говорят о «мысли бесплотной».

³⁹ Утверждение Т.В. Ахутиной, что «Основное разногласие между школами Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина – И.Н. Горелова – динамичность или статичность единиц внутренней речи», может получить иную интерпретацию: кроме «мысли² изреченной» и «мысли¹ бесплотной», существует ещё «мысль³ воплощенная», хотя и не изреченная – внутренняя (оязыковленная) речь, которую исследует и обсуждает Л.С. Выготский наряду с речью изреченной. Школа Н.И. Жинкина и И.Н. Горелова отрицает тождество мышления вообще и вербального мышления в частности: «Но это не значит, что человек, мысля, обязательно при этом еще и “скрытно говорит”. Она различает речевое (дискурсивно-вербальное) мышление и надъязыковое (невербализованное) мышление, осуществляемое средствами универсально-предметного кода мозга, кода с надъязыковыми свойствами» [Горелов, Седов 2009: 104].

⁴⁰ В пользу необходимости такого различения можно привести целый ряд аргументов.

⁴¹ Если знание и информация не может существовать в надъязыковой, т.е. разъязыковленной форме, то перевод текста с одного языка на другой в принципе невозможен, ибо отсутствует связь между двумя национальными концептосферами.

⁴² Само понятие *концепт* продуктивно именно как некий целостный нелинейный многомерный квант разъязыковленного мышления.

⁴³ Кроме того, следует обратить внимание на признание Альберта Эйнштейна, говорившего, что он мыслит не словами, а образами, т.е. единицами УПК или, если угодно – концептами.

⁴⁴ Следовательно, «динамичность», о которой пишет Т.В. Ахутина, свойственна внутренней речи или «мысли воплощенной» (вербальному мышлению), а «статичность» – разъязыковленному (невербальному) мышлению – «мысли бесплотной», осуществляемой посредством УПК.

⁴⁵ Таким образом, противоречие между школами Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина-И.Н. Горелова снимается, оказываясь мнимым.

⁴⁶ Процесс *оязыковления* – это процесс перехода от концептов (квантов смысла, записанных в универсальном предметном коде, по Н.И. Жинкину) к означаемым языковых знаков. Это процесс перехода от образного мышления к

вербальному, состоящий из процессов семантизации, грамматикализации и фонетического оформления высказывания – в переходе (по Н. Хомскому) от глубинных (языковых) фонетических структур – фонем, к поверхностным, речевым – фонам.

⁴⁷ Кроме того, это процесс перехода от целостных многомерных концептов, записанных в УПК, к линейным дискретным языковым последовательностям. Как говорил Л.С. Выготский, «мысль – симультанна, речь – сукцессивна», т.е. последовательна, линейна.

⁴⁸ Процесс *разъязыкования* состоит в переходе от линейных означаемых языковых знаков – к концептам, хранящимся в долговременной (не оперативной!) памяти.

⁴⁹ Процесс *опредмечивания* – это переход от акустических образов речевых знаков (фонов, морфов, словоформ) к реальным звукам. Соответственно, процесс *распредмечивания* звучащей речи состоит в переходе от реальных звуков к акустическим образам означающих.

⁵⁰ Необходимо различать активную языковую деятельность, связанную с кодированием (переходом от означаемых языковых знаков к означающим – у говорящего) и пассивную языковую деятельность, связанную с декодированием (переходом от означающих языковых знаков к означаемым – у слушающего), а также активную речевую деятельность, связанную с переходом от означающих языковых знаков (фонем, морфем и т.д.) к речевым знакам (фонам, морфам и т.д. – у говорящего) и пассивную речевую деятельность, связанную с переходом от речевых единиц (фонов, морфов и т.д. означающих к языковым единицам (фонемам, морфемам и т.д. – у говорящего).

⁵¹ При этом знание языка и умение им пользоваться активно и пассивно соответствует *компетенции* Н. Хомского, а активная (и, видимо, пассивная) языковая и речевая деятельность – *исполнению* (переходу от глубинных структур к поверхностным и обратно, а также к переходу и от внутренней речи к внешней и обратно: от результата чужой речи – текста – к своей внутренней).

⁵² Только цикл разнонаправленных работ – сочетание оязыкования-опредмечивания мыслей говорящим и распредмечивания-разъязыкования текста слушающим обеспечивают переход от мыслей говорящего к мыслям слушающего, т.е. реальный обмен информацией через текст – выполнение языком его коммуникативной функции. Вот почему термин Дж. Остина *речевой акт* является, во-первых, односторонним, а во-вторых дезориентирующим. От расширительного употребления и понимания этого термина следует отказаться в пользу термина *коммуникативный такт**, который, как и всякий такт состоит из сильной доли – оязыкование-опредмечивание мысли говорящим и слабой доли – распредмечивание-разъязыкование речи говорящего слушающим.

⁵³ Тут возникает омонимия с термином Дж. Лича, употребляемым в теории коммуникации – *максима* (постулат, принцип) *такта* (как «вежливости»): *Максима такта* гласит: «Своди к минимуму неудобство для адресата и доводи до максимума выгоды для адресата». Слова *такт₂* «вежливость» и *такт₁*

«повторяющаяся часть движения, образующая его ритм», принадлежат разным сферам, поэтому их омонимия не критична. Кроме того, *максиму такта* практически никогда не называют «коммуникативным тактом», обычно говорят о *языковом такте* как проявлении политкорректности.

⁵⁴ Что касается составного термина *речевой такт* в значении «отрезок речи между двумя мини-паузами; синтагма», то его невозможно перепутать с составным термином *коммуникативный такт* в значении «минимальная последовательность действий говорящего и слушающего, обеспечивающая обмен информацией», как нельзя перепутать слова *речевой* и *коммуникативный*.

⁵⁵ Определенное мышление (высказывание) как процесс (речь) и результат (текст) даны в непосредственном наблюдении, поэтому эта доля коммуникативного такта является *сильной*. Декодирующая деятельность слушающего, не данная в непосредственном наблюдении, составляет *слабую* долю коммуникативного такта.

⁵⁶ Бодуэн осознавал необходимость термина:

⁵⁷ «**Язык** не просто орудие, комплекс составных частей, но ещё и беспрерывно повторяющийся процесс, основанный на общественной природе человека и его потребности в общении».

⁵⁸ «*Языковая способность*, которая проявляется в *речи*, – это способность ассоциировать *внеязыковые* представления с *языковыми*, собственное и чужое».

⁵⁹ Язык проявляется в триаде **фонация – аудиция – церебрация**. Первое явление – фонация – имеет место в говорении, в произношении слов; второе – аудиция – это слушание и восприятие сказанного; третье, самое важное явление языка – церебрация – закрепление, сохранение и обработка всех языковых представлений в сокровищнице души. Это и есть языковое мышление.

⁶⁰ **Церебрация (вербализация) – фонация (определение) – аудиция – (распределение) – церебрация (девербализация).**

⁶¹ Ф. де Соссюр предложил различать *langue* (язык-код) и *parole* (речь – процесс определения мысли), а в качестве термина, объединяющего то и другое предложил термин *langage* (языковление), который был переведён А.М. Сухотиным и вслед за ним А.А. Холодовичем как *речевая деятельность*. Рассмотрим простейшую модель речевой коммуникации Ф. де Соссюра (рис. 1).

Простейшая модель речевой коммуникации Ф. де Соссюра

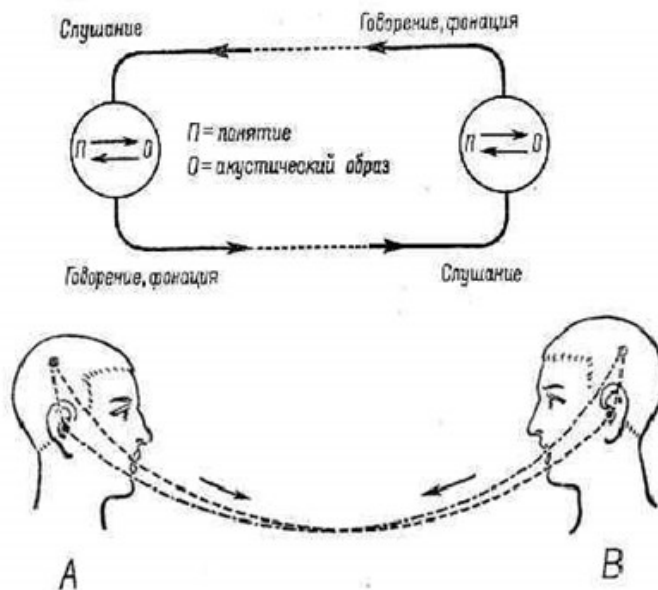

Рис. 1. Коммуникативная модель Ф. де Соссюра

⁶³ Итак, в коммуникативной деятельности говорящего Соссюр различает три фазы (три «процесса»): *психическую* ($\text{П} > \text{О}$), *физиологическую* (артикуляционные команды мозга) и *физическую* (порождение речевой цепи в виде колебаний воздуха – как следствие выполнения артикуляционных команд мозга речевому аппарату).

⁶⁴ Термин *речевая деятельность* как перевод соссюрского *langage* неудачен уже тем, что указывает только на деятельность говорящего, тогда как Ф. де Соссюр включал в модель коммуникации не только деятельность говорящего – собственно говорение (речь, фonaцию), но и деятельность слушающего по восприятию и декодированию речи – слушание (т.е. де-фonaцию): «Далее процесс общения продолжается в [участнике] В, но в обратном порядке» [Соссюр, 1977: 50]. При этом (что принципиально важно!) уже у Соссюра язык принадлежит как говорящему, так и слушающему (на схеме языку соответствует круг с указанием связи понятия (означаемого) и акустического образа (означающего)).

⁶⁵ Вот почему более удачным представляется перевод соссюрского *langage*, предложенный Н.В. Слюсаревой: «Несмотря на “привычку” наших лингвистов в качестве эквивалента соссюрскому *langage* использовать предложение издателей канонического русского текста, в данном издании “Заметок...” мы вводим иной вариант перевода: *langage* – *языковая деятельность*. В нем, во-первых, передается более широкое значение, ориентирующее не на индивидуальную (*речь*), а на коллективную (*язык*) принадлежность этого феномена, что в большей мере соответствует соссюрской концепции. Во-вторых, словосочетание *языковая деятельность* сохраняет этимологическую связь французской пары (*langue* – *langage* / *языковая деятельность* – *язык*), а это было

характерно для соссюрковского терминотворчества. Итак, в качестве эквивалента триаде *langage – langue – parole* мы используем триаду *языковая деятельность – язык – речь*» [в кн.: Соссюр, 1990: 26-27].

66 У термина *языковая деятельность* кроме указанных достоинств есть и недостаток: соссюровскому универбу *langage* соответствует русский биверб *языковая деятельность*. Думается, соссюровской концепции и соссюровскому терминотворчеству в ещё большей мере соответствует широко используемый Г.П. Мельниковым термин *языковление*. Его достоинством (по сравнению с термином *языковая деятельность*) является не только краткость, но и способность порождать термины *оязыковление*, которым удобно обозначить процесс языкового кодирования сообщений (по Соссюру – *перехода П→О*: от означаемых языковых знаков к означающим) у говорящего, и *разъязыковление*, которым удобно обозначить процесс языкового декодирования сообщений (по Соссюру – *перехода О→П*: от означающих языковых знаков к означаемым) у слушающего.

67 Обобщённо коммуникативный такт можно представить следующей схемой (рис. 2).

68

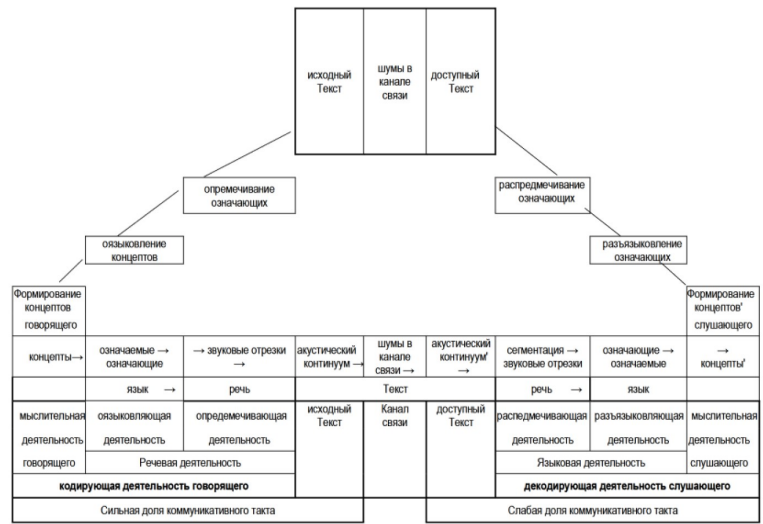

Рис. 2. Схема коммуникативного такта

69 * Составной термин *коммуникативный такт* употребляется в значении «двусоставная последовательность действий говорящего и слушающего, обеспечивающая обмен информацией с помощью языка».

Библиография:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, ТТ. I-II, М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 384 и 392.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования // Сер. «Философия риторики и риторика философии». Комментарии В.С. Библера и И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 1996. 416 с.

3. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. 3-е, перераб. и доп. изд. М.: Издательство «Лабиринт», 2009. 304 с.
4. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество. Избр. тр. М.: «Лабиринт», 1998. С. 146–162.
5. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е. изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
6. Попова, З.Д. Общее языкознание: Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408, [8] с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
7. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания – ММА, 2021. – 626 с.
8. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию /Перев. с франц. яз. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. – 696 с. – (Языковеды мира).
9. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике // Пер. с фр. //Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с. – (Языковеды мира).
10. Стернин И.А., Елина Е.А. Концепция невербальности мышления в трудах И.Н. Горелова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания – ММА, 2021. – С.204-211.
11. Чарыкова О.Н., Попова З.Д., Стернин И.А. Основы теории языка и коммуникации: Учебное пособие для бакалавров. М.: Флинта, 2010. – 149 с.
12. Язык и мышление. URL: <https://4brain.ru/blog/language-and-thinking/> (дата обращения: 03.04.2022).

Communicative tact and its components

Alexej Kretov

Voronezh State University

Russian Federation, Voronezh

Abstract

The term communicative tact reveals the bifunctional essence of language – information is transmitted in two steps: the speaker encodes it with language, and the listener decodes it with language. A strong share of the communicative tact consists in the linguization and objectification of the speaker's thoughts in the text, and a weak share is in segmentation, dissection and dissociation of the text to the listener. Following Vygotsky, *idea*₁ is distinguished as a process of imaginative thinking by concepts and *idea*₂ as a process of verbal thinking. The first part of the strong lobe is the speaker's process of translating *idea*₁ into *idea*₃ (inner speech). The second part of the communicative tact is the objectification of *idea*₃ into *idea*₂, embodied in the text (air vibrations unfolding in time (cf. the Saussure's linearity of the linguistic sign). The text connects the speaker with the listener. The distribution of the text by the listener consists in segmenting the text into signifying signs and in the transition from signifiers to signified. The process of decoupling a message consists in turning a *idea*₃ (internal speech) into a *idea*₁ (concept), which is moved to permanent memory and stored in it.

Keywords: the bifunctional essence of the language, objectification of thought, subjectification of text, language, speech and auditive activity, communicative tact

Date of publication: 24.05.2023

Citation link:

Kretov A. Communicative tact and its components // *Linguistica Fundamental*. – 2023. – Issue 1 (1) C. 11-22 . URL: <https://linguistica-fundamental.ru/s0025627-9-1/>. DOI: 10.18254/S294939000025627-9